

Содержание

<i>От автора</i>	9
Как я брила Байрона	11
Щенок-сюрприз	20
Глухой удар	34
Зубочистки в желе	46
Нажми на кнопку	59
Розовый коктейль	73
Бесовские дети	90
Прямая кремация	102
Ненатуральная натуральность	118
Увы, бедный Йорик	130
Эрос и Танатос	145
Бульканье	157
Гусли	171
Кремация при свидетелях в одиночестве	181

Редвуд	192
Школа смерти	200
Фургон с телами	212
Искусство умирать	223
Блудная дочь (подобие эпилога)	237
<i>Благодарности</i>	244
<i>Список литературных источников</i>	246

Моим дорогим друзьям,
Таким верным и великодушным,
Жуткое хайку¹.

¹ Х а й к у — национальная японская форма поэзии, жанр поэтической миниатюры. — *Прим. ред.*

От автора

Согласно сведениям журналиста-свидетеля, Мата Хари, знаменитая экзотическая танцовщица, которая занималась шпионажем во время Первой мировой войны, отказалась надеть повязку на глаза, когда в 1917 году французы вели ее на расстрел.

— *Мне обязательно это надевать?* — спросила Мата Хари своего адвоката, как только увидела повязку.

— *Если мадам не хочет, это ничего не изменит,* — ответил офицер, поспешно отворачиваясь.

Мату Хари не стали связывать и надевать повязку ей на глаза. Она смотрела своим мучителям прямо в лицо, когда священник, монахини и юрист отошли в сторону.

Нелегко взглянуть смерти прямо в глаза. Чтобы избежать этого, мы предпочитаем носить повязки, прячась в темноте от реалий смерти и умирания. Однако незнание — это не благословение, а лишь еще более сильный страх.

Можно всячески избегать контакта со смертью, храня мертвые тела за дверьми из нержавеющей стали, а больных и умирающих — в больничных палатах. Мы так старательно скрываем смерть, что возникает ощущение, будто наше поколение — первое из бессмертных. Однако это не так. Ни для кого не секрет, что однажды мы все умрем. Как сказал великий культурный антрополог Эрнест Беккер, «идея смерти и страх перед ней преследуют человека, как ничто другое». Именно из-за этого страха мы строим соборы, рождаем детей, объявляем войну и смотрим в интернете ролики про кошек в три часа ночи.

СМЕРТЬ УПРАВЛЯЕТ ВСЕМИ НАШИМИ СОЗИДАТЕЛЬНЫМИ И РАЗРУШИТЕЛЬНЫМИ ПОСТУПКАМИ.

Чем скорее мы осознаем это, тем лучше мы сможем понять самих себя.

Эта книга описывает первые шесть лет моей работы в американской похоронной индустрии. Если вы не хотите читать реалистичные описания смерти и мертвых тел, то, скорее всего, вы наткнулись не на ту книгу. Самое время решить, откажетесь ли вы от повязки на глаза. Истории здесь правдивы, а люди реальны. Некоторые имена и детали (но не те, что непристойные, обещаю) были изменены, чтобы сохранить конфиденциальность некоторых людей и защитить личность усопших.

ВНИМАНИЕ!
ТЕРРИТОРИЯ С ОГРАНИЧЕННЫМ ДОСТУПОМ.
КОДЕКС ПРАВИЛ ШТАТА КАЛИФОРНИЯ
ЗАГолоВОК 16, РАЗДЕЛ 12,
СТАТЬЯ 3, СЕКЦИЯ 1221
УХОД ЗА УСОПШИМ И ПОДГОТОВКА К ПОХОРОНАМ

а) Уход за усопшим и подготовка к похоронам (или другим вариантам распоряжения человеческими останками) должны быть строго конфиденциальными...

(Предупреждающий плакат о требованиях к подготовке к похоронам)

Как я брила Байрона

Девушка никогда не забудет первое тело, которое она побрила. Это единственный момент в ее жизни, который можно назвать даже более неловким, чем первый поцелуй или потеря невинности. Стрелки часов двигаются мучительно медленно, когда ты стоишь над мертвым телом пожилого мужчины, сжимая в руках пластиковый розовый бритвенный станок.

В освещении ламп дневного света я смотрела на бедного неподвижного Байрона, как мне показалось, целых десять минут. Так звали этого мертвого, по крайней мере это имя было указано на ярлычке, свисающем с большого пальца его ноги.

Я не знала, как воспринимать его: как мужчину или как тело, но мне казалось нужным как минимум узнать его имя до начала такой интимной процедуры.

Байрон был 70-летним мужчиной с густыми белыми волосами, произрастающими на лице и голове. Он был обнажен, не считая простыни, обернутой вокруг нижней части тела. Не знаю, что прикрывала эта простыня. Наверное, она требовалась, чтобы сохранить посмертное достоинство человека.

Его глаза, устремленные в бесконечность, стали плоскими, словно спущенные воздушные шары. Если глаза влюбленного — это чистое горное озеро, то глаза Байрона были болотом. Широко раскрытый рот замер в беззвучном крике.

— Эм, Майк? — окликнула я своего нового начальника. — Правильно ли я понимаю, мне нужно воспользоваться кремом для бритья, или как?

Майк зашел в комнату для подготовки тел, достал из металлического шкафчика банку пены для бритья и попросил меня быть осторожной.

— Будет сложно что-то исправить, если ты раскроишь ему лицо. Будь аккуратна, договорились?

Да, быть аккуратной. Нужно быть столь аккуратной, как все прошлые разы, когда я брила людей. Чего я ни разу не делала.

Натянув резиновые перчатки, я поднесла станок к холодным и твердым щекам Байрона, покрытым густой щетиной. Мне казалось, что я совершенно неподходящий для этого человек. Я всегда думала, что работники моргов должны быть профессионалами, которые делают то, на что другие не решатся. Интересно, догадывались ли члены семьи Байрона, что 23-летняя девчонка с нулевым опытом работы держит бритву у лица дорогого им человека?

Закрыть Байрону глаза у меня не вышло: его морщинистые веки не слушались и снова поднимались, словно он хотел наблюдать за тем, как я его брею. Я попробовала еще раз. Безрезультатно. «Эй, Байрон, я и без твоего присмотра обойдусь!» — сказала я, но никто мне не ответил.

То же самое происходило и со ртом. Я закрывала его, но он оставался в таком положении всего несколько секунд, после чего челюсть снова падала. Что бы я ни предпринимала, Байрон не собирался вести себя так, как подобает джентельмену у брадобрее. В итоге я неуклюже размазала пену по его лицу так, что вышло похоже на жутковатый детский рисунок пальцами из сериала «Сумеречная зона».

Я пыталась убедить себя в том, что это просто мертвый человек. Всего лишь гниющее мясо, Кейтлин. Туша животного.

Однако эта техника убеждения не оказалась эффективной: Байрон был не просто гниющим мясом. Он также был благо-

родным и волшебным существом вроде единорога или грифона, объединяя в себе нечто неземное с мирским.

К тому моменту, как я осознала, что эта работа не для меня, было уже слишком поздно. Я уже не могла уклониться от бритвы Байрона. Вооружившись розовым станком и издав высокий звук, различимый лишь собаками, я поднесла инструмент к щеке. Так началась моя карьера парикмахера мертвецов.

Еще утром того дня я совсем не думала, что мне придется брить тела. Конечно, я понимала, что буду иметь дело с трупами, но не догадывалась, что мне нужно будет брить их. Это был мой первый рабочий день в семейном похоронном бюро и агентстве ритуальных услуг «Вествинд: кремация и захоронение».

Проснулась я рано, чего со мной никогда до этого не случилось, натянула брюки, которые до этого вообще не носила, и надела массивные кожаные ботинки. Брюки были слишком короткими, а ботинки — чересчур большими. Выглядела я нелепо, но в свою защиту могу сказать, что у меня не было определенного понятия о том, как полагается выглядеть работнику, сжигающему мертвых людей.

Когда я вышла из своего дома на Рондел-Плэйс, солнце только вставало. В его лучах поблескивали выброшенные иглы и испаряющиеся лужи мочи. Бездомный мужчина, одетый в балетную пачку, тащил вдоль аллеи старую автомобильную шину. По всей вероятности, он намеревался смастерить из нее унитаза.

Когда я впервые очутилась в Сан-Франциско, мне понадобилось три месяца, чтобы найти жилье. В конце концов я встретила Зою, лесбиянку и студентку юридического факультета, которая сдавала комнату. Мы стали жить вместе в ее ярко-розовом дуплексе¹ на Рондел-Плэйс, в мексиканском квартале. С одной стороны нашего славного дома была мексиканская закусочная,

¹ Дуплекс — это дом, состоящий из двух секций, объединенных одной крышей и боковыми стенками и рассчитанный на две семьи. — *Прим. ред.*

а с другой — Esta Noche, бар, знаменитый латиноамериканскими дрег-квин и оглушающей национальной музыкой.

Когда я шла вдоль Рондел по направлению к железнодорожной станции, ко мне подошел мужчина, распахнул пальто и показал свой пенис.

— Что ты об этом думаешь, сладкая? — спросил он меня, радостно размахивая своим достоинством.

— Ну, могло бы быть и лучше, — ответила я, за год привыкнув к такому. Его лицо помрачнело. Я уже год прожила на Рондел-Плэйс — *реально* могло бы быть лучше.

На скоростном поезде я добралась до Окленда, и мне оставалось пройти несколько кварталов до «Вествинда». Вид на мое новое рабочее место, открывшийся спустя десять минут утомительной ходьбы от станции, был удручающим. Не знаю, чего я ожидала от похоронного бюро (может, я думала, что оно будет похоже на гостиную моей бабушки, оборудованную парочкой генераторов дыма), но с улицы оно выглядело безнадежно нормальным. Обычное белое одноэтажное здание, которое вполне могло сойти за офис страховой компании.

Рядом с воротами была небольшая табличка с просьбой звонить в звонок. Собравшись с духом, я позвонила. Через мгновение дверь со скрипом распахнулась, и на пороге показался Майк — управляющий крематорием и мой новый начальник. Я видела его только один раз и ошибочно решила, что он абсолютно безвреден: лысеющий мужчина за 40, среднего роста и веса, одетый в штаны камуфляжной расцветки. Однако, несмотря на дружелюбные штаны хаки, Майк в то утро выглядел пугающе. Он пристально оценивал меня взглядом из-под очков, слово прикидывая, насколько большую ошибку он совершил, наняв меня.

— Доброе утро, — сказал Майк тихим, невыразительным голосом, словно эти слова должен был слышать только он. Он открыл дверь и ушел.

Спустя несколько неловких мгновений я поняла, что мне следует идти за ним: зайдя внутрь, я несколько раз повернула

за угол. В коридорах слышался приглушенный рев, который постепенно становился все громче.

За непримечательным фасадом скрывалось огромное пространство, откуда и раздавался этот рев: внутри стояли две большие, но приземистые машины, расположенные в самом центре комнаты, как Траляля и Труляля смерти, сделанные из рифленого металла. Из них выходили трубы, которые шли вверх, сквозь крышу. Двери машин открывались наверх и были похожи на клацающие зубы из индустриальной детской сказки.

Я поняла, что передо мной стояли печи для кремации. Там, прямо в эту самую минуту, находились люди, *мертвые* люди. В тот момент я еще их не видела, но осознание того, что они рядом, меня взволновало.

— Это и есть печи для кремации? — спросила я Майка.

— Они занимают все помещение. Было бы странно, если бы это были не печи для кремации, не так ли? — ответил он, выходя в ближайшую дверь и снова оставляя меня одну.

Что такая милая девушка, как я, делает в таком месте? Никто в здравом уме не предпочел бы сжигание трупов посту, скажем, банковского служащего или воспитательницы детского сада. Скорее всего, устроиться клерком или воспитательницей мне было бы гораздо легче, ведь в индустрии смерти очень подозрительно относились к 23-летним девушкам, желающим пополнить ее ряды.

ВО ВРЕМЯ ПОИСКА РАБОТЫ Я ВБИВАЛА В ПОИСКОВОЙ СТРОКЕ СЛОВА «КРЕМАЦИЯ», «КРЕМАТОРИЙ», «МОРГ» И «ПОХОРОНЫ!».

На письма с моим резюме работодатели отвечали мне (если вообще отвечали): «Есть ли у вас опыт работы в сфере кремации?» Похоронные бюро, казалось, настаивали на опыте работы, словно навыки сжигания тел можно было получить на обычном уроке труда в средней школе. Я разослала сотни резюме и получила множество ответов «Извините, но мы нашли